

Притворившись, что серьезно задумалась, Тан Сяожань с улыбкой произнесла:

— Если сравнивать таким образом, то ты действительно не так красива, как Одри Хепберн, и не так богата, как магнаты из списка Forbes.

Сунь Цзяли громко рассмеялась, шлепнув зеркало на стол, и не могла остановиться. Ха-ха-ха эхом разносилось по пустому большому дому.

Она смеялась так долго, что Тан Сяожань начала беспокоиться, не задохнется ли она от смеха.

Когда Сунь Цзяли наконец успокоилась, в телефонной трубке воцарилась странная тишина. Тан Сяожань уже подумала, что связь прервалась, как вдруг с той стороны раздался голос:

— Сяожань, все в вашей семье такие, как ты?

Такие, высокомерные, смотрящие на всех свысока.

Все, что не нравится, сразу же считается недостойным внимания, и даже фальшивое лицемерие выглядит так явно.

Тан Сяожань почувствовала, что в этих словах скрывался какой-то подтекст.

Улыбка на ее губах исчезла. Она взяла в руки толстый темно-зеленый лист, и хотя в голосе еще звучала легкая насмешка, в ее карих глазах не было ничего:

— ...Почему ты вдруг так спросила?

Сунь Цзяли подняла голову, глядя на люстру на потолке. После долгого смеха она машинально прикоснулась к уголкам глаз и щекам.

Подняв голову, она сдержала голос.

— Знаю тебя уже давно, вот и задумалась.

— Задумалась? — Тан Сяожань усмехнулась, неясно, поняла ли она смысл слов подруги.

Сунь Цзяли так и не опустила голову, хотя это уже начинало вызывать боль в позвоночнике.

Да, задумалась.

Задумалась о том, почему семья Тан в городе S так недосыгаема, что даже она начала чувствовать себя неловко.

Глаза, уставшие от недосыпа, стали сухими. Сунь Цзяли моргнула, не зная, то ли это размазавшаяся подводка, то ли ресницы, которые давно уже вызывали дискомфорт. Она мягко закрыла глаза и снова заговорила:

— Считай, что я сошла с ума. У тебя есть время сегодня вечером? Давай выпьем.

Тан Сяожань открыла рот, чтобы что-то сказать, но подумала и промолчала, лишь ответив:

— Хорошо, скажи время и место.

— Дагуаньюань, сегодня в девять вечера, встретимся в холле на первом этаже, — Сунь Цзяли

закончила разговор, бросила телефон в сторону и откинулась на спинку дивана.

Закрыв глаза, она попыталась отдохнуть, но через некоторое время снова открыла их и уставилась в потолок, о чем-то размышляя.

В санатории.

— Это место славится как лучшее для отдыха в нашем городе, директор, вам не нужно так скромничать. Но с такой прекрасной обстановкой, почему я не вижу здесь много людей? Или же у вас здесь слишком много развлечений в помещении?

Тан Сяоюй сидел с директором за каменным столом в маленьком саду перед зданием, ведя непринужденную беседу. То, что он держал в руках, уже давно забрала одна из проходивших мимо медсестер.

Директор Нин, поднеся очки ближе к глазам, посмотрела на него, а затем улыбнулась мягкой улыбкой:

— Вы говорите о санаторной зоне сзади, а здесь — санаторий при Третьей больнице.

Тан Сяоюй сначала не понял.

Через некоторое время его улыбка застыла, и он очень медленно кивнул, ответив:

— А, вот как...

Директор Нин, ожидая такой реакции, снова улыбнулась и медленно заговорила, ее голос был наполнен ритмом, добавляя нотку мудрости прожитых лет.

— Не волнуйтесь, молодой человек. В санаторий при Третьей больнице тоже не каждый может попасть. Видели машины у входа?

Видел.

Среди них был Maybach стоимостью более 10 000 000, который Тан Сяоюй запомнил навсегда.

Ему казалось, что если бы он был репортером финансовой газеты или папарацци, который ищет сенсации, ему достаточно было бы просто присесть у входа в санаторий при Третьей больнице —

и он бы никогда не остался без работы.

Он бы раскрыл все секреты богачей города S, которые они так тщательно скрывают, словно прячут на дне воды.

К сожалению, наш Юй Шао тоже принадлежит к числу богатых наследников с кучей семейных секретов, и ему приходится смириться с этим.

Увидев его выражение лица, директор Нин поняла, что он уловил ее мысль, и не смогла сдержать вздоха.

Разве в мире так много пугающих сумасшедших?

Просто некоторых довели до безумия, а другие притворяются сумасшедшими, и здесь они

остаются изо дня в день, из года в год — сначала они были трезвыми, как никто другой, а потом поняли, что быть трезвым больнее, чем сойти с ума, и поэтому тоже сошли с ума.

Директор Нин раньше работала в детском доме и видела много вынужденных расставаний.

Потом, когда она стала старше, она больше не могла выносить такие вещи и перестала принимать новых детей. Она лично отправила последнего малыша в новую семью и продала место Третьей больнице.

Но истории, которые она видела, не сильно изменились — только теперь брошенными стали взрослые и пожилые люди.

— Спасибо, директор, за то, что рассказали мне сегодня. После такого долгого разговора вы, наверное, хотите пить? Давайте я провожу вас в здание, чтобы вы попили чаю.

Тан Сяююй, увидев, что она смотрит вдаль с выражением, полным сложных и непонятных эмоций, терпеливо подождал рядом, пока она не вернулась к реальности, и снова заговорил.

Директор Нин махнула ему рукой, встала с каменного стула, двигаясь довольно проворно.

Морщины на ее лице выражали искреннюю улыбку:

— Я еще не настолько стара, чтобы меня нужно было поддерживать. Раньше я бы могла пригласить вас на чай, но сейчас регистрация стала строже, так что не буду вас задерживать. Возвращайтесь.

Тан Сяююй встал, чтобы проводить ее в здание, и, глядя на это здание, почувствовал невольное уважение.

Он был почти уверен, что, сделав несколько шагов внутри, он наткнется на какую-нибудь грандиозную тайну.

Через некоторое время он повернулся, чтобы найти Тан Сяожань, и обнаружил, что она стоит под деревом баухинии, усыпанным лепестками, и смотрит вверх, не зная на что.

— Пошли, — Тан Сяююй, закончив свои дела, расслабился, и даже его тон стал неторопливым.

Тан Сяожань кивнула, повернулась и пошла за ним, переплетая пальцы и потягиваясь:

— Как поедем?

— Автобусы здесь неудобные, я вызвал водителя отца, он приедет через десять минут на стоянку, — ответил он.

Тан Сяожань кивнула, и в этот момент они проходили мимо входа в здание санатория. Она оглянулась на чистый и аккуратный интерьер холла на первом этаже и небрежно сказала:

— Ладно, я сначала схожу в туалет.

И тут ее остановили на ресепшене для регистрации посетителей.

— Здравствуйте, у вас есть запись или вы просто пришли? — молодая медсестра в розовой форме с улыбкой спросила ее.

Тан Сяожань покачала головой и с каменным лицом повторила свои слова:

— Я просто хочу воспользоваться туалетом.

На лице медсестры появилось смущенное выражение. Она посмотрела на Тан Сяожань и мягко предложила:

— Дело в том, что это частный санаторий, поэтому, если ваша ситуация не очень срочная, вы можете решить свою проблему в Третьей больнице, которая находится в полчаса езды.

Тан Сяожань уже собиралась уйти, если ее спросят еще раз, но, услышав слова медсестры, она невольно пошутила:

— О, а если мне очень срочно?

Через полминуты она получила ответ на этот вопрос.

Медсестра лично сопровождала ее до двери туалетной кабинки — с таким уровнем сопровождения, что можно было подумать, будто она на выпускном экзамене и просится в туалет.

Тан Сяожань почувствовала себя странно и очень хотела закатить глаза руководству этого места.

Обнаружив, что унитаз в туалете не сделан из 24-каратного золота, чтобы его никто не украл, ее желание закатить глаза усилилось.

Что за место, еще и так таинственно.

Пока она включала теплую воду в раковине, она с недоумением смотрела в зеркало на медсестру, которая все еще улыбалась ей сзади.

У входа в холл.

Тан Сяоюй стоял у стойки администратора, играя на телефоне, время от времени поглядывая на происходящее в холле.

Дзынь.

Дверь лифта на первом этаже открылась, и из него вышла женщина в черной кепке, черной маске и повседневной одежде.

Тан Сяоюй машинально поднял взгляд.

И тут же его поразили резкий взгляд в ее глазах.

Она тоже, похоже, была удивлена.

<http://bllate.org/book/16430/1489463>